

ПРОЯВИТЕЛЬ ДУШ

АРИАДНА МАРЦ

Ариадна Марц
Проявитель душ

«Автор»

2026

Марц А.

Проявитель душ / А. Марц — «Автор», 2026

Затерянный среди вечных туманов город Уттингем хранит в себе тайны, о которых в городе предпочитают молчать. По пригласительному письму Элридж — человек, чья работа начинается там, где заканчивается чужая жизнь, — прибывает в старинное ритуальное поместье, давно отрезанное от внешнего мира. Его объектив камеры и дар, позволяющий видеть прошлое умерших людей, раскроют ему последние воспоминания обитателей дома: их скрытые желания, страхи и случайные события, ставшие началом бесконечной череды трагедий. Но вместе с этим откроется дверь в совершенно иной мир, где зеркала поместья отражают вовсе не тех, кто стоит перед ними, и, чем глубже Элридж погружается в историю дома, тем яснее понимает: поместье не только хранит память о мёртвых — оно удерживает их. И теперь нечто, живущее по ту сторону объектива, знает его имя, а фотографии — это ключ для тех, кто не должен был уходить.

© Марц А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ариадна Марц Проявитель душ

Пролог

Уиттингем. (Whittingham) Октябрь 1824 года.

«Inter mortuos et vivos, linea tenuissima est.»

(Между живыми и мёртвыми — лишь тончайшая грань.)

Ночь застала Дэмиена посреди старого некрополя, находящегося на окраине густого, сумрачного леса. Чёрная стена вековых деревьев безмолвно нависала над россыпью бесчисленных каменных памятников, окутанных вязким и липким туманом. Он провёл здесь уже больше часа, рыская между молчаливых надгробий, пытаясь найти именно то, которое было указано в письме. В этот раз оно было короткое и совсем лишено смысла:

«Она будет ждать у надгробия Элизы С. в старом некрополе после полуночи. Зафиксируй переход. Не вмешивайся.»

«---М.»

Оставив тщетные попытки найти хоть какую-то зацепку, Дэмиен подумал вернуться обратно, как внезапно, в гнетущей тишине, нарушаемой лишь собственным бешеным сердцебиением, он услышал женский крик — едва уловимый, будто скрип дерева, но такой жуткий и неестественный, что Дэмиен невольно вздрогнул, а по спине пробежали ледяные мурашки. Недолго думая, быстрыми и стремительными шагами направился к источнику звука. Каждый шаг отдавался глухим чавканьем листвы, а ветви, словно костлявые пальцы, цеплялись за его потёртый плащ. Казалось, это было место, где сама природа отвернулась от законов жизни, и чем быстрее он приближался к цели, тем заметнее менялась обстановка вокруг него, будто предупреждая:

«Назад дороги нет...»

Тем временем сумрак стал заметно сгущаться, и уже в привычной для него атмосфере некрополя Дэмиен стал видеть совершенно пугающие для него образы: то высокая, неестественно худая фигура возвышается перед ним, то на мгновение ему кажется, что это человек, склонившийся в странном поклоне. Но стоило ему лишь повернуть голову, как фигура расплывалась, превращаясь в два кривых, сросшихся ствола дерева.

Он остановился, чтобы перевести дух, как вдруг, где-то впереди, за покосившимися крестами, он увидел едва различимый в траве силуэт молодой девушки. На секунду засомневавшись, Дэмиен подошёл чуть ближе, и его догадки нашли своё подтверждение: сквозь пожелтевшую и сгнившую траву виднелось надгробие с упомянутым в письме именем: *«Элиза С.»*

Дэмиен зажёл фонарь, быстро оборонив взгляд на худощавое и бездыханное тело девушки. От тусклого, желтоватого света её кожа казалась почти прозрачной. Её губы расплывались в улыбке, неестественной, застывшей, будто кто-то придал ей это выражение. Её веки прикрыты, но не до конца. В её глазах ещё можно было разглядеть мутные, широкие зрачки, а в момент, когда завывал ветер, он словно обвивался вокруг её тонкой и бледной шеи, струясь сквозь длинные, чёрные пряди, и заставлял их скользить друг о друга с едва слышным, тихим шелестом. Её кровь ещё была алой и струилась из бледных губ, издавая характерный «капающий» звук.

От увиденного ему становилось дурно, а сознание начинало мутнеть. Мысли путались, а времени оставалось предательски мало. *«Я должен сделать это. Сейчас или никогда.»*

Резким и решительным движением Дэмиен взял штатив, поставил его напротив тела, устанавливая знакомый ему инструмент — старую, почерневшую камеру-обскуру, покрытую

мелкими царапинами. Он плавно убирает заслонку с отверстия, чтобы начать экспозицию. Засекает время. Пошли первые секунды. Его руки начинают дрожать не от холода.

Ожидание для Дэмиена казалось вечностью. Он то и дело всматривался в бледно-тёмную фигуру, и на мгновение казалось, будто её улыбка всё шире и шире расплывается в жуткой гримасе, а бледные пальцы начинают шевелиться. И в этой звенящей, абсолютной тишине откуда-то прямо за спиной раздался хруст. Негромкий, сухой, отчётливый. Звук ломающейся под чьей-то тяжестью ветки.

Начинается приступ паники. Воздуха начинает не хватать.

Дэмиен быстрым движением закрывает отверстие камеры. Снимок сделан, но ещё невидим.

Он судорожно хватается за фонарь и начинает светить по сторонам, вглядываясь в непроглядную тьму и пытаясь поймать движение, увидеть силуэт, понять, что так сильно его напугало, но вокруг ничего не было. Только неподвижный, молчаливый лес. А сзади... сзади теперь была только тишина. Гораздо более страшная, чем тот хруст. Потому что она означала одно — кто-то или что-то тоже замерло и теперь следит за ним. И самое ужасное — оно *вторило* ему. Когда Дэмиен задерживал дыхание, замирало и оно. Когда он делал короткий всхлипывающий вдох, оттуда, из темноты, доносился такой же тихий, почти эхообразный звук.

Оно не просто следило. Оно *имитировало*. Играло с ним.

Внезапно тишину разрезал тихий щелчок. Дэмиен дёрнулся и обернулся. Его фотоаппарат теперь был направлен на него. В объективе что-то мелькнуло. Что-то, что теперь медленно отражалось в стекле его потухшей фотокамеры — бледное и улыбающееся слишком широкой улыбкой...

Глава 1

Элридж замер на краю каменных ступеней, ведущих к парадной двери особняка.

Его худощавые пальцы лёгким движением поправили прядь густых, тёмно-каштановых волос, плавно скользя по линии аккуратно подстриженной бороды.

Он уже собирался нажать на затёртую кнопку звонка, когда его взгляд упал на изящную бронзовую табличку, почти затенённую плющом. Он отодвинул заросшие ветви и прочёл:

«Ритуальное агентство Мисс Августины. Организация достойного ухода».

За дверью юноша услышал торопливые, мелкие шаги. Дверь открылась бесшумно, и в проёме возникла молодая женщина, одетая в скромное тёмно-коричневое платье с белоснежно накрахмаленным фартуком.

— А, мистер Элридж! — её голос эхом раздался в стенах здания. — Мисс Августина будет так рада. Проходите, — её шёпот прозвучал весьма суетливо и беспокойно.

— Она терпеть не может... Между звонком и приёмом... Между жизнью и... — голос горничной оборвался, оставив фразу повисшей в воздухе, а её рука всё так же осталась протянутой вперёд в пригласительном жесте.

И Элридж, повинувшись, сделал шаг вперёд. Как только он вошёл внутрь, его окутал запах воска и сырости, спрятанной под вуалью дорогих духов.

На удивление, внутри старого здания не было запустения, которого он ожидал. Это была идеально сохранённая роскошь, где каждая деталь убранства была тщательно продумана: под ногами мерцал паркет из тёмного дуба, сложный, как шахматная доска. Стены были обиты шёлковыми тёмно-зелёными обоями, украшенными кружевом золота. Мебель была отполирована под красное дерево и выглядела дорого.

Свет, падающий из высоких окон, казалось, не освещал пространство, а лишь проявлял полумрак и придавал интерьеру ещё более безупречную картину. Но, стоит отметить, что в этой безупречности не было «жизни». Это была не та живая, тёплая небрежность обжитого пространства, где сдвинутый ковёр хранит память о шумных посиделках, а на столе остаётся след от чашки с недопитым кофе. Нет, здесь царила стерильная завершенность забальзамированного тела. Ни одной случайно упавшей книги, ни пылинки на каминной полке, ни лёгкого, едва заметного беспорядка, который и рождает уют. Казалось, по этим комнатам не ходили, а лишь бесшумно скользили, боясь нарушить хрупкий порядок небытия.

В углу комнаты Элридж заметил фигуру, сидевшую в кресле у камина — это была Августина, владелица данного поместья. Старушка невысокого роста, её спина была неестественно прямой, а тонкие, почти прозрачные руки, похожие на скрученные корни деревьев, лежали на подлокотниках кресла, не шелохнувшись. На ней было платье из плотного тёмно-чёрного шёлка, высоко застёгнутое у шеи.

Но главным были её глаза. В сети морщин на иссохшем, бледноватом лице они горели с пронзительной, неестественной интенсивностью. В них не было ни дружелюбия, ни простого любопытства — лишь холодный, оценивающий взгляд. Её зрачки устали на стоявшего перед ней юношу с такой силой, что он невольно сделал шаг назад.

— Вы как раз вовремя, мистер Элридж, — хриплый голос Августины прервал тишину. Она протянула бокал тёмно-бордового вина юноше. На мгновение ему показалось, что уголки тонких губ Августины дёрнулись в подобии улыбки, и выглядело это весьма пугающе.

— Я получил ваше письмо сегодня утром. Насколько мне известно, что ваша семья... — Элридж запнулся, поняв, что не стоило напоминать о трагических событиях, он выдержал неловкую паузу.

— Каждый из нас, — томно вздохнув, начала свой рассказ Августина, — с детства учился не бояться. Не бояться молчания, не бояться взгляда, устремлённого в никуда. Мы не забирали

души, как шептали злые языки. Мы... дарили им последнюю возможность быть увиденными. Их смерть должна была выглядеть как сон, а фотография — как напоминание живым о хрупкости бытия.

— Осмелюсь предположить, что ваше семейное «дело» никогда не стояло на месте и имело высокий спрос среди людей этого города? — Элридж сделал ещё один глоток вина и, нахмурившись, пристально посмотрел в глаза рассказчицы.

— Да, разумеется, ведь память была дорога, и наша семья была уважаема. Казалось, наше мрачное призвание нашло свою, пусть и узкую, нишу в этом мире, но... в этом была ирония судьбы, жестокая и неотвратимая, — голос старухи дрогнул. — Мы проводили слишком много времени с тишиной и прахом. Смерть стала нашим рабочим инструментом, и мы перестали видеть в ней угрозу. Мы думали, что мы приручили её, сделав своим союзником... — Августина сделала паузу.

— Я знала, что когда-нибудь это коснётся и моей семьи, — старушка тяжело вздохнула. — Мой сын... — она протянула Элриджу фотографию. На ней был изображён мальчик лет семи, его взгляд был направлен прямо в камеру, глаза ясные и светлые, а в руках у него был небольшой игрушечный мяч.

Он выглядел счастливым.

— Все альбомы, все стеклянные негативы... Я избавилась от них при первой же возможности, но хотелось бы верить, что дело нашего родового поместья найдёт отклик и в новых людях, у наших «соратников». Но я... — Августина отрицательно покачала головой.

После недолгого рассказа для Элриджа вопросов оставалось гораздо больше, чем ответов, но он твёрдо решил, что это отличная возможность найти «своё место» в этом городе.

— Я всего лишь на мгновение воссоздаю стены между мирами, позволяя тем, кто остался, в последний раз взглянуть в глаза тому, кого они потеряли. Это — прощальный аккорд, который не смолкнет в душе скорбящего никогда. Я — лишь «проводник». Я не могу изменить прошлое, но я могу быть полезен и быть предан вам и вашему делу, — к слову, Элридж всегда знал, как произвести достойное впечатление, он говорил лишь то, что от него хотели услышать.

Августина повернулась к юноше.

— Получается, вы можете знать о существовании чужих секретов, но никогда не протягивать руку, чтобы их осветить? — тихий голос Августины прервал резкий, звенящий и характерный звук битого стекла.

Элридж услышал, как горничная уронила бокал и поспешно собирала осколки с пола. Неловкое молчание прервало их диалог.

— Осторожнее, Сьюзен, — напряжённо произнесла Августина. — Некоторые вещи нельзя разбивать. Особенно в этом доме.

Горничная на секунду замерла и не издавала ни звука, а затем молча удалилась в другую комнату.

— Вы хорошо говорите, мистер Элридж. Слишком хорошо для человека вашей профессии. — Она медленно провела пальцем по кромке бокала. Тонкий звук стекла разрезал тишину. — Люди, имеющие дело с мёртвыми, обычно либо сходят с ума, либо начинают лгать сами себе.

Августина поднялась с кресла и взяла со своего стола керосиновую лампу. Пламя дрогнуло, осветив комнаты, увешанные потемневшими фотографиями в овальных рамках. На них были люди с застывшими лицами: мужчины в строгих костюмах, женщины в кружевных платьях, невеста с белоснежной фатой... все они выглядели так, словно просто уснули. Но их глаза...

— Некоторые семьи хранят драгоценности. Некоторые — письма. Мы храним... присутствие. А моя мать считала, что смерть не должна стирать человека слишком быстро. В этом доме принято сохранять лица.

Последнее слово прозвучало особенно тихо.

Элридж почувствовал внезапный холод. Не обычный сквозняк старого особняка — нет. Холод был влажным.

Пламя лампы дрогнуло сильнее.

Где-то наверху раздался медленный скрип.

Один шаг.

Потом второй.

Августина не подняла головы.

— Не обращайтесь внимания, — сказала она слишком быстро. — Дом стар.

Но шаги продолжались.

Тяжёлые. Медленные.

Элридж посмотрел вверх, в темноту лестничного пролёта. Второй этаж тонул во мраке, и лишь слабая полоска света от лампы касалась перил. На миг ему показалось, что между ними кто-то стоит.

Он моргнул — и темнота снова стала пустой.

— Вы сказали, что можете быть полезны моему делу, мистер Элридж, — произнесла она, избегая смотреть наверх. — Тогда ответьте честно... Вы когда-нибудь возвращали кого-то слишком надолго?

Тишина в комнате стала вязкой.

Даже часы у камина перестали тикать.

Элридж нисколько не был напуган или удивлён. Он подумал про себя: «Старуха явно не в себе после череды смертей своей семьи, после пропажи сына и видит во всём "скрытый смысл". Я здесь лишь для того, чтобы получить место и эту работу».

Недолго думая, он первым протянул руку Августине, крепко сжав её хрупкую ладонь.

— Я рад познакомиться с вами и вашим поместьем. И уверен, что могу быть полезен вам и вашему делу. Я могу навестить вас следующим утром, как раз захвачу всё необходимое и могу приступить к работе. А сейчас мне нужно возвращаться в город до наступления темноты.

Как только Элридж повернулся к стеклянной двери, он услышал раскатистый звук грома и вздрогнул от ослепляющей вспышки грозы. Ветер поднялся достаточно быстро, деревья зашевелились и склонялись всё ниже и ниже к земле. За окном начался ливневый дождь, барабанивший по каменным ступеням двора.

— Неблагоприятная погода не редкость для этого города. Дождь не прекратится до следующего дня — Августина протянула Элриджу небольшой медный ключ. — Вы можете переночевать здесь, с нами, в поместье. Утром моя горничная поможет вам перевезти необходимые вещи.

Несколько секунд Элридж молчал.

— Вы слишком доверяете незнакомцам, — наконец произнёс он тихо и неуверенно и после короткого колебания одобрительно кивнул, взяв ключ, лежащий на тонкой ладони Августины.

Старушка едва заметно улыбнулась и подозвала к себе Сьюзен.

Вместе с горничной Элридж отправился к новому месту, и как только он вступил на порог комнаты, она поклонилась ему и быстрыми шагами направилась обратно в гостиную. Сквозь топтливые шаги и попутное суетливое б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.